

Название рисунка: «Актриса»
Ф.И.О. автора: Кобзарь Анжела Александровна
Возраст: 14 лет

Когда я вырасту, я стану актрисой

Когда другие дети говорят, что хотят стать актерами, они обычно представляют себе огромный зрительный зал, слепящий свет софитов, корзины цветов у ног и поклон под громовые аплодисменты. Я тоже хочу стать актрисой, но мой путь к сцене начинается не с парадного входа, а с узкой, пахнущей лаком и пудрой лестницы, ведущей в театральную гримерку. Мой главный пример и проводник в этот мир — моя тетя Лена, которая работает в театре гримёром.

Для большинства зрителей работа гримера невидима. Люди аплодируют таланту того, кто произносит монологи, но они не замечают рук, которые за два часа до спектакля превратили молодую девушку в дряхлую старуху, а красавца-героя — в изуродованного войной солдата. Моя тетя никогда не выходит на поклон. Она носит черный рабочий халат, её пальцы вечно испачканы гумозом, специальным театральным пластилином, а в карманах звенят кисти. Но для меня она — главный режиссер человеческих судеб на этой сцене.

Я помню, как впервые попала к ней на работу. Мне было лет шесть. В тесной комнате с зеркалами, залитыми желтым светом, Лена колдовала над лицом пожилого актера. — Смотри, — сказала она мне, не поворачивая головы, и взяла тончайшую кисть. — Сейчас этот человек сыграет смерть. Но чтобы зритель в зале заплакал, он не должен просто упасть. Зритель должен увидеть, как уходит жизнь.

Она нанесла под глаза актера полосу серо-лиловой краски, затемнила виски и провела две глубокие морщины от крыльев носа к уголкам губ. — Видишь? — тетя отступила на шаг. — Теперь это лицо не просто старое. Оно усталое. Оно прожило большую, тяжелую жизнь. Моя краска — это его биография. Без неё его дрожащий голос будет звучать фальшиво.

В тот вечер я смотрела спектакль из-за кулис. Я не видела игры того актера. Я видела работу тети. И я поняла самую важную вещь о театре, которую не объяснит ни один учебник по актерскому мастерству. Театр — это абсолютная правда, собранная из абсолютной лжи. Бархатная портьера скрывает бетонную стену, деревянный меч весит как пушинка, а слезы актера — это всего лишь капля глицерина. И единственное, что заставляет тысячи людей в зале поверить в эту иллюзию — это детали. То, как у короля от страха побелела переносица. Как у предателя предательски дергается веко. Как у влюбленной девушки проступает едва заметный румянец.

Моя тетя учит меня этой анатомии правды. Она говорит, что лицо актера — это холст, на котором написана внутренняя жизнь персонажа. — Хочешь быть актрисой? — часто спрашивает она, протирая кисти в скипидаре. — Тогда учись не только говорить. Учись молчать так, чтобы твоему молчанию верили. А чтобы тебе верили, твое лицо должно знать историю твоего героя лучше, чем ты сама.

Многие считают, что гример — это лишь ремесло, обслуживающий персонал, тень великого искусства. Но сидя по вечерам в кресле тети Лены, перебирая баночки с гумозом, коробочки с перламутровыми тенями и парики, я понимаю: без её тени не было бы и света на сцене. Она — соавтор каждого образа. Она лепит характеры пальцами.

Когда я вырасту и выйду на сцену, я не забуду уроки своей тети. Я хочу, чтобы в моей игре была та же честность, с которой она накладывает каждый штрих. Чтобы, произнося свой монолог, я помнила: зритель верит не громким словам, а тому, что написано на лице. И пусть я никогда не научусь смешивать краски так же виртуозно, как она, я всегда буду знать, что моя первая и самая важная роль была написана её кистью в полумраке старой театральной гримерки. Моя сцена начинается там, где заканчивается её рабочий халат.